

ПРАЖСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Иван Степанович Конев (1897—1973) — советский военный деятель, Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза. В годы Великой Отечественной войны командовал 19-й армией, войсками Западного, Калининского, Северо-Западного, Степного, 2-го и 1-го Украинских фронтов. Войска под его командованием участвовали в битве под Москвой, на Орловско-Курской дуге, в освобождении Правобережной, Левобережной и Западной Украины, в Восточно-Карпатской, Висло-Одерской, Берлинской и других операциях.

В публикуемых воспоминаниях И. С. Конева из его книги «Записки командующего фронтом» рассказывается о той большой роли, которую сыграли в проведении знаменитой Пражской операции войска 1-го Украинского фронта.

Обстановка, предшествовавшая Пражской операции, требует того, чтобы подробно остановиться на ней. Сложность обстановки во многом определила замысел операции, сроки и темпы, короче говоря, весь ее ход.

После разгрома берлинской стратегической группировки фашистское государство фактически рухнуло. Однако в своем политическом завещании Гитлер сделал попытку продлить существование фашистского режима, назначив новое правительство Германии во главе с гросс-адмиралом Деницем. Главнокомандующим сухопутными силами Германии выдвигался генерал-фельдмаршал Шернер, занимавший в это время пост командующего группой немецко-фашистских армий «Центр». Эти силы находились главным образом в Чехословакии. Такое назначение имело свои основания: Шернер в те дни оказался, пожалуй, наиболее реальной военной фигурой, имевшей власть, а главное — войска. И немало войск.

В распоряжении нового германского «правительства» — я и здесь и в дальнейшем ставлю это слово в кавычки — для продолжения войны имелись еще весьма

значительные по численности силы. Чтобы составить общую картину, стоит назвать их.

В советской Прибалтике находилась группа армий «Курляндия». На побережье Балтийского моря еще продолжала сражаться группа войск «Восточная Пруссия». Западнее Берлина сопротивлялась, хотя и основательно потрепанная, 12-я гитлеровская армия. В Чехословакии была сосредоточена под командованием генерал-фельдмаршала Шернера группа армий «Центр» (до пятидесяти полнокровных дивизий и шесть боевых групп, сформированных из бывших дивизий). Эта внушительная группировка оказывала сопротивление войскам 1, 2 и 4-го Украинских фронтов. В Западной Чехословакии союзникам противостояла 7-я немецкая армия (пять дивизий), как раз в эти дни тоже переданная в подчинение Шернеру. Наконец, в Австрии и Югославии против войск 2-го и 3-го Украинских фронтов и Народно-освободительной армии Югославии дрались еще две группы немецко-фашистских армий — «Австрия» и «Юг», вместе насчитывавшие более тридцати дивизий.

Таким образом, Пражская операция отнюдь не носила символического характера, как это иногда пытаются изобразить на Западе. Нам предстояла серьезная борьба с большой группировкой вооруженных сил Германии, на которую делало ставку «правительство» Деница, рассчитывая, что спасение этой группировки даст возможность еще на какое-то время продлить существование третьего рейха.

Находясь уже на краю гибели, это «правительство» пыталось сделать все возможное, чтобы прекратить военные действия на Западе, но зато продолжить борьбу на Восточном фронте.

Основной реальной силой, которая могла «всеми средствами продолжать борьбу на Восточном фронте», была, конечно, немецко-фашистская группировка, действовавшая севернее Дуная, на территории Чехословакии и северных районов Австрии. Кроме группы армий «Центр» в нее входила часть сил группы войск «Австрия», а также множество резервных и запасных частей и подразделений, которыми в ту пору была буквально наводнена Чехословакия. А с запада эту группировку войск прикрывала 7-я немецкая армия, которая при определенном стечении обстоятельств тоже могла быть повернута против нас.

«Правительство» Деница надеялось на скорую капитуляцию перед нашими западными союзниками, чтобы обра-

тить почти миллионную группировку войск против Советской Армии. Нам предстояло сорвать эти планы.

2 мая преемники Гитлера подсчитали, что группировка Шернера не меньше трех недель сможет удерживать за собой территорию Чехословакии. Но сам Дениц настаивал на том, чтобы Шернер начал немедленный отвод войск к юго-западу — там будет легче потом сдаваться в плен американцам.

Кейтель и Иодль возражали, считая, что, как только группа армий «Центр» начнет отходить, она будет смята и развалится под ударами советских войск.

Рассуждение, я бы сказал, не лишенное здравого смысла. Если бы Шернер в эти дни поспешно сорвал свои войска с обжитых позиций, они, несомненно, были бы смятыми в ходе преследования и им едва ли удалось бы улизнуть в американскую зону.

Вызванный в резиденцию Деница начальник штаба Шернера генерал Нацмер доложил мнение своего командующего о нецелесообразности отхода войск с хорошо укрепленных позиций, опиравшихся на Судетские и Рудные горы и в значительной мере на старые чехословацкие укрепления, построенные еще передвойной.

Точки зрения, как видим, были разные. Причем обсуждался даже вопрос о переезде «правительства» в Прагу под прикрытие группировки Шернера.

До сих пор сожалею, что Дениц не дал на это согласия. Согласись он тогда — и войска нашего фронта, несомненно, захватили бы его «правительство» вместе с основной массой войск Шернера.

Такова была военно-политическая обстановка в стане противника накануне Пражской операции.

Что касается наших союзников, то именно в это время Черчилль дал фельдмаршалу Монтгомери свое печально знаменитое и теперь уже широко известное указание «тищательно собирать германское оружие и складывать так, чтобы его легче можно было снова раздать германским солдатам, с которыми нам пришлось бы сотрудничать, если бы советское наступление продолжалось».

Говоря о своих настроениях тогда, весной 1945 года, Монтгомери писал впоследствии в мемуарах, что если бы верховное руководство военными операциями осуществлялось политическими лидерами Запада должным образом, то «мы могли бы захватить все эти три центра раньше русских». Под тремя центрами подразумевались Берлин, Вена и Прага.

Но к моменту получения 1-м Украинским фронтом директивы Ставки приступить к проведению Пражской операции Берлин был уже пами взят и Вена тоже была взята пами. Из трех названных Монтгомери городов оставалась только Прага. И ряд документов того времени позволяет считать, что наши союзники с большой неохотой расстались с надеждами захватить этот «третий центр» раньше русских.

Если 30 апреля верховный главнокомандующий экспедиционными силами союзников в Западной Европе Эйзенхауэр в своем письме предлагал нам установить демаркационную линию, с которой мы были в принципе согласны и которая потом действительно была установлена, то 4 мая, несмотря на уже достигнутую договоренность, Эйзенхауэр в своем новом письме к начальнику нашего Генерального штаба Антонову писал уже совсем другое: «Будем готовы продвинуться в Чехословакии, если это потребует обстановка, до линии рек Влтава и Эльба, чтобы очистить западные берега этих рек». Это дополнение фактически включало в зону действия американских войск и саму Прагу.

Письмо, видимо, отражало то давление, которое со все большей силой оказывали на Эйзенхауэра и Черчилль, и пришедший к власти на смену Рузельту Трумэн.

Начальник нашего Генштаба генерал Антонов от имени Советского Верховного Главнокомандования направил на следующий же день, то есть 5 мая, генералу Эйзенхауэру ответ, в котором просил его во избежание возможного перемешивания войск не продвигать союзные войска в Чехословакии к востоку от первоначально намеченной линии.

После обмена этими письмами американские войска приостановили наступление в глубь Чехословакии на той линии, которая была оговорена с самого начала.

Эта дипломатическая переписка происходила тогда, когда у нас в штабе фронта и в армиях, по существу, завершилась подготовка к Пражской операции и войска уже занимали исходное положение.

...В первых числах мая в Чехии вспыхнуло восстание. С особенной силой оно разгорелось в Праге. Фашистский наместник Франк, стремясь выиграть время, начал переговоры с восставшими. А в это же самое время Шернер отдал своим войскам приказ: «Восстание в Праге должно быть подавлено всеми средствами». К Праге с трех сторон двинулись немецкие войска. Восставшим пражанам предстояла тяжелая борьба. Прага нуждалась в решитель-

ной помощи, и оказать эту помощь должны были прежде всего мы.

Войска 1, 2 и 4-го Украинских фронтов занимали выгодное, охватывающее, положение по отношению к группе армий Шернера. Удары по ее флангам — с юго-востока 2-м Украинским фронтом и с северо-запада нашим — грозили ей окружением восточнее Праги и наглухо закрывали пути отхода на запад.

Но чтобы такая заманчивая возможность стала для нас реальностью, нашим войскам предстояло преодолеть крупные горные массивы и глубокие, заблаговременно подготовленные оборонительные полосы немцев. Перед 1-м Украинским фронтом глубина главной полосы неприятельской обороны местами достигала 18 километров.

Наиболее мощные оборонительные сооружения гитлеровцы создали восточнее Эльбы, в районе Герлица, где мы вели долгие и тяжелые бои с дрезденско-герлицкой группировкой. Значительно слабее выглядела у противника оборона северо-западнее Дрездена, где еще во время предыдущих боев фронт не приобрел стабильного положения. Самым слабым участком вражеской обороны был участок западнее Эльбы. Именно на этом направлении я и сосредоточил главные силы для наступления на Прагу.

Правда, и тут, в глубине обороны противника, была полоса бетонированных укреплений, проходивших вдоль старой германо-чехословацкой границы. Если бы мы задержались, застряли здесь, эти укрепления в сочетании с горным рельефом местности оказались бы серьезным препятствием. Ведь тут простиралась цепь Рудных гор протяжением в полтораста километров и около 50 километров в ширину.

Правда, Рудные горы с севера на юг, то есть в направлении нашего удара, прорезали около двух десятков шоссейных дорог. А это при соответствующей подготовке и темпах наступления сулило нам неплохую перспективу даже в условиях горной войны.

Меня, как командующего фронтом, в эти дни беспокоило не столько сопротивление мощной группировки противника и даже не прочность его укреплений, сколько сочетание всего этого с горным рельефом местности. Ведь операция была рассчитана на быстроту. Именно высокий темп наступления лежал в основе наших расчетов, и надо было всерьез подумать о том, как бы не застрять в горах.

У меня все время из головы не выходила Дуклинская операция 1944 года. Тогда мы тоже пробивались прямо

через горы. Продиктованная политическими соображениями, предпринятая во имя поддержки национального антифашистского вооруженного восстания словацкого народа, эта операция обошлась нам очень дорого, хотя и многому научила. Помня ее нелегкий опыт, я в последующем делал все, чтобы при малейшей возможности не забираться в горы, а прикрываться ими. Я пришел к твердому убеждению, что борьба в горах может быть вызвана только самой жестокой, железной необходимостью, когда иного пути — обхода или маневра — нет.

Но именно такое положение и создалось перед началом Пражской операции. Чтобы как можно скорее разгромить засевшую в Чехословакии почти миллионную группировку Шернера, взять Прагу, спасти город от разрушений, а жителей Праги, да и не только Праги, от гибели, не оставалось ничего другого, как прорываться прямо через Рудные горы. Иного пути не было, потому что на подступах к Чехословакии с севера всюду, куда ни сунься, куда ни кинься, горы. Значит, надо их преодолеть. Но преодолеть так, чтобы нигде не застрять, чтобы как можно скорее их проскочить, обеспечив свободу маневра для танковых и механизированных войск.

Итак, в предстоящей операции надо было предусмотреть все, чтобы не дать немцам возможности задержать наше наступление на перевалах. Мы не собирались брать их силами одной пехоты. Мы считали, что наши передовые отряды должны с самого начала обладать внушительной пробойной силой и состоять из всех родов войск, располагать всеми необходимыми инженерными средствами разграждения, подрыва, уничтожения оборонительных сооружений, которые могли оказаться на нашем пути в Рудных горах.

Такие отряды были созданы на всех направлениях, ведших в Чехословакию через Рудные горы. Действие каждого из них обеспечивалось достаточным количеством авиации, которая должна была поддержать пробивающиеся части, а вслед за этим и дальнейшее движение вырвавшихся на простор танков.

Из района Берлина значительной части войск, входивших в нашу ударную группировку, предстояло проделать марш в 150—200 километров, чтобы достичь исходных позиций. Времени было в обрез, и все-таки мы стремились проводить марши, в особенности крупных танковых соединений, по возможности скрытно. Ведь, узнав о сосредоточении их, Шернер мог в любой момент пойти на риск:

сорваться с насиженных позиций и двинуться на запад, навстречу американцам. Мы вовсе не стремились подталкивать его к такому решению.

При планировании операции Ставка отводила главную роль 1-му Украинскому фронту. Это было связано не только с его нависающим по отношению к вражеской группировке положением, но и с наличием у него достаточно мощных соединений. Мы имели возможность использовать для удара освободившиеся у нас на берлинском направлении две танковые армии и несколько танковых механизированных корпусов.

Исходя из общей обстановки и директивы Ставки, мы создали на правом фланге северо-западнее Дрездена ударную группировку из трех общевойсковых армий Пухова, Гордова и Жадова, двух танковых армий Рыбалко и Леплюшенко, двух танковых корпусов Полубоярова и Фоминских и пяти артиллерийских дивизий. Этой группировке предстояло действовать в направлении главного удара Теплице — Шанов — Прага, несколько охватывая Прагу с запада и северо-запада.

Вспомогательный удар предпринимался из района Герлица. Его должна была осуществить вторая ударная группировка, включавшая армии Лучинского и Коротеева, один мехкорпус, одну артиллерийскую дивизию прорыва. Общее направление этого удара Циттау — Млада-Болеслав — Прага.

Начиная Пражскую операцию, предстояло решить попутно и еще одну немаловажную задачу: разделаться с войсками противника, оборонявшими Дрезден. Овладение Дрезденом возлагалось на 5-ю гвардейскую армию Жадова, усиленную 4-м гвардейским танковым корпусом Полубоярова и взаимодействовавшую со 2-й армией Войска Польского и ее танковым корпусом. Остальным же войскам главной ударной группировки предстояло сразу же двигаться на Прагу, не ввязываясь в борьбу за Дрезден.

Было решено также, что на главном направлении в наступление перейдут одновременно и общевойсковые и танковые армии. Этим сразу обеспечивались максимальная мощь удара, стремительное сокрушение обороны противника и дальнейшее движение вперед без обычных затрат времени, необходимых на ввод танков в прорыв.

Я считаю это важной особенностью в Пражской операции; операция была продиктована и обстановкой, и опытом войны. Причем опытом последних, наиболее стреми-

тельных операций, где широко использовались танковые армии.

Но чтобы правильно использовать этот опыт, нельзя было забывать и другие слагаемые победы. Требовалось создать не только мощную танковую, но и мощную артиллерийскую группировку, обеспечить массированную поддержку авиации и при прорыве, и при дальнейшем движении наземных войск.

Все это было подготовлено, и мы были вправе рассчитывать на успех.

Особо ответственная задача была поставлена перед 13-й армией Пухова. Прорвав вражескую оборону, она должна была в дальнейшем развивать наступление, обходя Прагу с запада, а Пльзень с востока, обеспечивая этим маневром всю остальную ударную группировку фронта на ее правом фланге. Нетрудно было предположить, что, когда развернется операция, гитлеровцы приложат все усилия, чтобы прорваться на запад, к нашей демаркационной линии с союзниками. Именно здесь они и напоролись бы на армию Пухова.

Еще глубже, перехватывая пути возможного отхода немцев, должен был продвинуться приданый Пухову 25-й танковый корпус генерала Фоминых. Кстати сказать, с блеском выполнив поставленную перед ним задачу, он в последний момент уснул перехватить уже почти добравшуюся до американцев власовскую дивизию и самого Власова. Но об этом дальше.

Выполнили танкисты и вторую стоявшую перед ними задачу: взяли целым и невредимым в городе Мост построенный немцами крупнейший завод синтетического горючего, на продукции которого последнее время держалась авиация врага.

3-я гвардейская армия Гордова наносила удар на Прагу прямо с севера и, взаимодействуя с 3-й гвардейской танковой армией Рыбалко, должна была овладеть городом с северо-востока и востока; 4-й гвардейской танковой армии Лелюшенко предстояло ворваться в Прагу с запада и юго-запада.

Овладение Прагой планировалось в самые сжатые сроки. Высокие темпы наступления требовались от всех армий. Но изюминка плана заключалась в другом: сначала общевойсковые и танковые армии совместными усилиями осуществляют прорыв обороны противника, в дальнейшем же все наши подвижные танковые и механизированные соединения смело вырываются вперед на максимально вы-

соких скоростях, какие только допускают обстановка и состояние дорог, движутся к Праге, не оглядываясь и не заботясь о том, что происходит у них за спиной. Их задача сводится к одному: с ходу овладеть Прагой. А уже потом, когда они завяжут бои и отрежут врагу пути отхода для соединения с основными силами группировки Шернера, на помощь им подоспевают и общевойсковые армии.

И хотя, надо отдать должное, все армии наступали на Прагу высокими темпами, но то, что туда ринулось десять танковых корпусов — 1600 танков — 1-го Украинского фронта, было решающим фактором.

Тысяча сто танков и самоходок, введенных в бой на главном направлении, а также весь автотранспорт танковых войск имели более чем полуторную заправку дизельным топливом и бензином. Они были обеспечены горючим на всю операцию до конца, вплоть до Праги. И ни одна боевая машина из-за нехватки горючего не встала в пути.

Исключительную мобильность проявили в этой операции артиллеристы. Чтобы обеспечить задуманный план, нам пришлось за небывало короткий срок (с 4 по 6 мая) перебросить, в основном с берлинского направления, и сосредоточить на участке прорыва главной ударной группировки не только упоминавшиеся выше пять артиллерийских дивизий, но и еще около 20 артиллерийских бригад, примерно столько же отдельных артиллерийских и минометных полков, большое количество зенитной артиллерии. Всего за эти дни мы сосредоточили на главном направлении удара 5680 орудий и минометов. Плотность огня на участке прорыва 5-й гвардейской армии Жадова достигала 200 и более стволов на километр.

2-я воздушная армия под командованием генерала С. А. Красовского выделила для действий на основном направлении 1900 и на вспомогательном — 355 самолетов. Кроме прикрытия войск, обеспечения переправы через Эльбу и массированных ударов по живой силе и технике врага перед авиацией была поставлена задача: не дать возможности противнику маневрировать по железным дорогам, практически выключить все крупнейшие железнодорожные узлы вокруг Праги.

Я говорю сейчас о главном направлении удара. Но и на вспомогательном, у Лучинского и Коротеева, были сосредоточены немалые силы, в том числе около 3700 орудий и минометов, около 300 танков и две артиллерийские дивизии прорыва. Вместе с ними наступал танковый корпус 2-й армии Войска Польского.

Недостаток времени не позволял нам готовиться к наступлению с обычной методичностью. Приходилось одновременно перебрасывать войска, сосредоточивать их, тут же создавать группировку, полагая, что, если какие-то части и не успеют подойти в назначенное место к назначенному сроку, наступление все равно начнется и им придется пытаться упущенное время на ходу. По существу, и переброска войск, и их сосредоточение, и переход в наступление — все слилось в Пражской операции в единый неразрывный процесс. И в этом была одна из основных особенностей этой операции.

4 мая в штаб фронта были вызваны на совещание командующие армиями. При обсуждении здесь всех аспектов предстоящей операции фактор времени выдвигался на первое место. Было подчеркнуто, что нам предстоит не просто преодолеть Рудные горы и Судеты, а в буквальном смысле слова чуть ли не перелететь через них.

Одной из предпосылок успеха являлось состояние войск противника. И об этом тоже говорилось на совещании.

Я никогда не был склонен недооценивать возможности сопротивления немцев. Но в данном случае, требуя от командующих армиями стремительных и безостановочных действий, счел необходимым подчеркнуть, что хотя нам и противостоит группировка, мощная по численности и серьезная по вооружению, однако после падения Берлина моральное ее состояние, как и всей немецкой в целом, подавленное, она надломлена и ее остается только доломать. Судя по многим признакам, немецкие штабы уже не в состоянии оценивать и охватывать взглядом все происходящее с той точностью, с которой они обычно это делали. Поэтому мы должны идти не только на смелые, но и на дерзкие решения, показывая высший класс оперативного и тактического искусства, считая и экономя каждую минуту.

От танковых войск требовалось, отрываясь от пехоты и не ввязываясь в бои за города, обходить опорные пункты и смело рваться вперед и вперед. Общевойсковым армиям — в максимальной мере использовать весь наличный автотранспорт, не делая ни одного шага пешком там, где можно воспользоваться машинами. От командиров и штабов, вплоть до штабов дивизий и полков, требовалось: осуществлять руководство боем не на длинных, а на самых коротких дистанциях и в то же время с самым широким

использованием управления по радио; командирам паходиться непосредственно в боевых порядках, чтобы все было в их руках и в их зоне видимости.

Специальное указание не допускало разрушения городов, заводов, населенных пунктов. Следовало помнить, что мы вступаем на территорию дружественной союзной страны.

Требуя от войск по возможности не ввязываться в бой за населенные пункты там, где только это возможно, мы не только обеспечивали стремительность продвижения войск, но и желали избежать жертв среди мирного населения.

Не хотели мы излишнего кровопролития и среди немецких солдат. Было приказано всюду, где это возможно, выходить на фланги и тылы немецко-фашистских частей и соединений, стремительно окружать их, расчленять и предъявлять ультиматумы о сдаче в плен. В этом смысле предоставлялась полная свобода инициативы и командующим армиями, и командирам соединений.

Под лозунгом «Вперед, на Прагу! Спасти ее. Не допустить, чтобы она была разрушена фашистскими варварами!» велась вся партийно-политическая работа в частях. И надо сказать, что, несмотря на усталость войск после Берлинской операции, лозунг был всюду подхвачен.

Об этом говорилось и на том двухчасовом совещании с командующими армиями, о котором я довольно подробно рассказал. Получилось, что оно было последним в ходе войны. Последний раз перед последней операцией собирались в штабе фронта все командармы, которым предстояло ее осуществить. Должно быть, потому оно и запомнилось мне...

Но вернемся к Пражской операции. Как я уже сказал, несмотря на то, что сроки подготовки к ней были и без того предельно сжаты, начало операции пришлось перенести с 7 на 6 мая. Главной причиной этого явилось Пражское восстание, вспыхнувшее 5 мая, и тот призыв по радио о помощи, с которым обратились к нам наши чехословакие братья. Одновременно мы получили разведывательные данные о том, что генерал-фельдмаршал Шернер поспешно стягивает к Праге войска. 5 мая я отдал приказ войскам ударной группировки начать наступление утром 6 мая.

Вот как протекала эта операция по дням.

6 мая

Как только утром передовые отряды армий перешли в наступление, сразу же обнаружились два очень существенных обстоятельства.

Во-первых, выяснилось, что противник занимает не сплошную оборону, а из отдельных узлов и очагов сопротивления и опорных пунктов. Предположения на этот счет у нас имелись и раньше, но наступление началось буквально с ходу, без достаточного времени на всестороннюю разведку, и проверить эти предположения заблаговременно не удалось.

Во-вторых (и это было особенно важно), передовые отряды сразу установили, что немецко-фашистское командование не обнаружило сосредоточения нашей ударной группировки на левом берегу Эльбы, к западу и к северо-западу от Дрездена.

Именно поэтому ее внезапный удар обещал дать особенно хорошие результаты. Надо было только действовать смело, без промедления. И я решил развить успех передовых отрядов немедленным вводом главных сил.

В 14 часов после мощной артиллерийской подготовки перешли в наступление армии Пухова и Гордова. Сразу же вместе с ними, в их оперативных порядках, двинулись танковые армии Рыбалко и Лелюшенко.

Армия Жадова, ближайшей задачей которой являлось взятие Дрездена, к этому часу еще не была готова к наступлению. Я отсрочил начало ее действий до 20 часов 45 минут (по берлинскому времени 18 часов 45 минут). У Жадова в этот день оставалось мало светлого времени, но это меня не смущало. Я считал, что армия должна пойти в наступление ночью; этого требовала обстановка. К тому же 5-й армии любая задача была по плечу.

Нанести без промедления удар в направлении Дрездена я считал особенно важным: как раз перед Дрезденом оборонялись танковые дивизии противника, и мы этим ударом лишили немецкое командование возможности снять их оттуда и бросить против наших танковых армий. Жадов должен был сковать танковые дивизии врага. Так оно и вышло.

К ночи, как назло, пошел проливной дождь. Темнота хоть глаз выколи. Слякоть, грязь. Наступать нелегко, а ориентироваться еще труднее. Гитлеровцы повсюду оказывали жестокое сопротивление, особенно сильным оно было на левом фланге у Гордова и на всем фронте у Жадо-

ва. Здесь вели упорные оборонительные бои части танковой дивизии «Герман Геринг», 20-й танковой дивизии и 2-й мотодивизии противника.

Весь день на этом самом трудном участке немецко-фашистские войска предпринимали отчаянные усилия, задерживая нас. Мы продвинулись за ночь только на 10—12 километров. Но зато в полосе 13-й армии Пухова и на правом фланге у Гордова наши войска прорвались вперед на 23 километра, целиком выполнив задачу дня. Танкисты пока что действовали в боевых порядках общевойсковых армий.

В обычных условиях можно было вполне удовлетвориться достигнутым. Но, принимая во внимание обстановку, сложившуюся в Праге, когда был дорог каждый час, я потребовал от всех четырех командармов — Гордова, Пухова, Рыбалко и Лелюшенко — более высоких темпов наступления. Перед пехотой стояла задача пройти за следующие сутки 30—45 километров, а от танкистов — 50—60. Им было приказано наступать днем и ночью, не считаясь ни с усталостью, ни с какими-либо помехами. А главная помеха состояла в том, что дождь сильно испортил дороги. Выехав в части Гордова, я даже на «виллисе» с трудом пробрался туда по полям. Дрезден еще не был взят. Поэтому некоторые шоссе мы не могли использовать. Войскам приходилось двигаться по проселочным дорогам и кружными путями. После дождя все было буквально перепахано и колесами и гусеницами, и это очень затрудняло продвижение.

Так обстояло дело на главном направлении. На других направлениях в этот день тоже произошли существенные события.

В 18 часов командующий обороной Бреслау генерал Никгоф, убедившись в безнадежности дальнейшего сопротивления, капитулировал с 40-тысячным гарнизоном. Город был сдан уже много недель осаждавшей его 6-й армии генерала Глуздовского. Генерал Никгоф дал интересные показания, о которых немедленно доложили мне.

Оказывается, на 7 мая планировалась попытка прорыва Бреславского гарнизона на соединение с Шернером. Войска 17-й армии, входившие в группу армий «Центр», должны были одновременно начать наступление навстречу прорывающимся. Этот замысел, хотя и не осуществившийся, свидетельствовал о той мере активности, которую да-

же в эти последние дни своего существования проявляла группировка Шернера.

Начало нашего наступления, видимо, перечеркнуло немецкие планы, и Никгоф решил капитулировать. Кстати говоря, Никгоф передал через генерала Глуздовского письмо на мое имя, в котором просил встречи со мной, ссылаясь на то, что он не взят в плен, а капитулировал сам. Я приказал передать ему, что оперативные дела фронта не дают мне возможности принять его, а с ним и с его подчиненными поступят так же, как со всеми остальными капитулировавшими частями германской армии.

У меня действительно не было времени для разговора с Никгофом. Кроме того, я считал, что и принципиально он не заслуживает какого-то особого отношения. Никгоф и его гарнизон проявили упорство в бою, но в последнее время, особенно после падения Берлина, оказались в явно безнадежном и бесперспективном положении, это упорство было бессмысленно и преступно прежде всего по отношению к многочисленному гражданскому населению, скопившемуся в Бреслау.

Вторым существенным событием дня на наших второстепенных направлениях был неожиданно обнаружившийся отход противника перед фронтом 59-й армии Коровникова на нашем левом крыле.

Заметив первые признаки отхода, Коровников организовал преследование противника, и к вечеру его войска продвинулись на 7 километров. Все говорило о том, что гитлеровцы почувствовали наш удар на дрезденском направлении, правильно восприняли его как угрозу окружения и начали поспешно вытягивать свои войска из самых отдаленных районов того периметра, по которому была размещена группировка Шернера.

Шернер явно торопился, и это требовало от нас удвоенной стремительности действий. Учитывая все обстоятельства, я отдал приказ о переходе в наступление армиям центра и левого крыла фронта (2-й армии Войска Польского, 28, 52, 31, 21, 59-й армиям) на два дня раньше запланированного срока.

Именно этими мыслями закончился для меня первый день Пражской операции.

7 мая

Сражение шло всю ночь и продолжалось утром. Войска главной ударной группировки продвигались все дальше

к югу по западному берегу Эльбы и к концу дня ока-
зались перед северными склонами главного хребта Руд-
ных гор.

Темп продвижения достиг в этот день 45 километров. Особенno успешно наступала армия Пухова, настолько успешно, что взаимодействовавшие с нею танкисты Лелюшенко, продвигаясь через горы и леса, так и не смогли в этот день оторваться от пехоты Пухова и лишь кое-где незначительно опередили ее. Правда, армия Лелюшенко наступала компактно, и я по многим признакам чувствовал, что у нее уже все подтянуто для предстоящего рывка вперед.

В этот день, признаюсь, я был особенно удовлетворен действиями Пухова и Лелюшенко, четкой работой штабов обеих этих армий, возглавляемых генералами Маландиным и Упманом.

Обстановка была сложной, темпы наступления высокие. Для управления войсками фронта в этих условиях требовались непрерывные донесения снизу, чтобы вовремя регулировать движение войск, выдерживать и направление движения, и темпы. Я должен был все время знать, где что происходит, чтобы иметь возможность соответственно сменевировать другими имевшимися в моем распоряжении резервами в том случае, если наступление где-то остановится, застопорится, упрется в непробиваемую с одного удара оборону. Бесперебойная информация имела для меня в этот день особенное, исключительное значение. И нужно отдать должное Маландину и Упману, они ее обеспечили: донесения шли непрерывно. Связь с 13-й и 4-й гвардейской танковой армиями, хотя они и действовали на дальнем, заходящем фланге, была превосходной.

Не могу не сказать тут хотя бы несколько слов о начальнике штаба 13-й армии Германе Капитоновиче Маландине. Это был человек большой штабной школы, талантливый и организованный, отличавшийся безукоризненной честностью и точностью, никогда не поддававшийся соблазну что-либо приукрасить или округлить в своих докладах. Вот уж за кем не было этого греха, водившегося за некоторыми в общем-то неплохими людьми.

Отличная штабная школа сказалась и в тех докладах—лаконичных и в высшей степени точных, которые представлял мне Маландин в ходе Пражской операции. Порой он даже сообщал последние данные о продвижении своего

соседа — 3-й гвардейской армии Гордова — раньше, чем сам сосед успевал сделать это.

Армия Гордова и танковая армия Рыбалко своим правым флангом прошли за этот день 25 километров. Рыбалко так же, как и Лелюшенко, еще не оторвался от пехоты. А его 6-й танковый корпус, помогавший Жадову овладеть Дрезденом, совершил 15-километровый маневр и вышел на западную окраину Дрездена.

Гордов в этот день овладел городом Мейссеном с его знаменитым замком и не менее знаменитым фарфоровым заводом. Командарм-3 принял все меры, чтобы захватить этот один из стариннейших и красивейших городов Германии в целости и сохранности. А это было не так просто: гитлеровцы сопротивлялись упорно, цепляясь за каждый рубеж и прикрывая свой отход контратаками танков.

Войска армии Жадова, начав, как я уже сказал, свое наступление накануне вечером, вели бои всю ночь, все утро и весь день и к концу суток, продвинувшись на 30 километров, завязали бои уже непосредственно за Дрезден.

Особенно важным с точки зрения дальнейшего развития событий являлось быстрое продвижение правого, заходящего фланга нашей ударной группировки — армий Пухова и Лелюшенко. Своим стремительным наступлением они захлестывали противника, не давали ему возможности зацепиться, занять оборону, сесть на пояс долговременных укреплений по чехословацкой границе, оседлать горные перевалы.

Погода теперь более благоприятствовала нам, чем накануне. Правда, земля еще не просохла, но небо было чистым, и авиация уже работала вовсю. А это, разумеется, сыграло немаловажную роль для облегчения нашего продвижения.

Что касается противника, то, как выяснилось впоследствии, в тот день штаб группы армий «Центр» разработал план постепенного отхода войск в Западную Чехословакию и Северную Австрию, навстречу американцам. Оказывается, Кейтель, подписав в этот день в штабе Эйзенхауэра предварительную капитуляцию, тотчас же направил генерал-фельдмаршалу Шернеру приказ за своей подписью о прекращении боевых действий. Однако Шернер отказался выполнить это требование и начал отвод войск на запад.

В приказе, отданном 7 мая, Шернер писал: «Неприятельская пропаганда распространяет ложные слухи о капитуляции Германии перед союзниками. Предупреждаю

войска, что война против Советского Союза будет продолжаться».

Ясно, намерения Шернера заключались в том, чтобы драться с нами до последней возможности, а в критический момент ускользнуть от нас и капитулировать перед теми, с кем он не воевал. Но чем дальше шло время, тем менее выполнимым становился задуманный Шернером план.

Утром 7 мая в соответствии с общим планом Ставки перешли в наступление войска 2-го Украинского фронта под командованием маршала Р. Я. Малиновского, двигавшиеся на Прагу в обход ее с юго-востока. 7-я гвардейская армия М. С. Шумилова и 6-я гвардейская танковая армия генерал-полковника А. Г. Кравченко 2-го Украинского фронташли навстречу нам, охватывая группировку Шернера. Одновременно войска 4-го Украинского фронта под командованием генерала армии А. И. Еременко продвигались с востока, освобождая на пути к Праге все новые и новые районы Чехословакии.

Не сказав обо всем, нельзя дать общего представления о происходившем. И тех читателей, которые хотели бы познакомиться со всем кругом событий, происходивших в эти дни, я отсылаю к вышедшему под моей редакцией коллективному историческому труду «За освобождение Чехословакии». В нем полно освещен ход и характер действий всех трех фронтов, планирование и решение всех стоявших перед ними в те дни задач. Я же, как и в предыдущих главах, естественно, буду описывать прежде всего и главным образом то, что находилось непосредственно в поле моего зрения, то есть дела 1-го Украинского фронта.

Если говорить о моих размышлениях на исходе дня 7 мая, то они сводились к тому, что от войск 1-го Украинского фронта по-прежнему требовалось максимальное напряжение сил для быстрейшего выхода в район Праги. Пути отхода войск Шернера на запад надо было скорее отрезать.

8 мая

На рассвете в полосе действий армии Лелюшенко произошло событие, в тот момент не обратившее на себя особого внимания, но, несомненно, сыгравшее свою роль в последовавшем затем разгроме и плenении группировки Шернера.

Стремительно продвигаясь вперед днем и ночью и громя все, что попадалось на пути, 5-й гвардейский корпус

под командованием генерал-майора И. П. Ермакова между Яромержем и Жатецем (северо-западнее Праги) с ходу разгромил и уничтожил большую штабную колонну немцев. Разгромил и пошел дальше. Было некогда останавливаться, задерживаться, разбирать документы.

Что это была за колонна, мы узнали уже потом, только после салюта Победы. Тогда выяснилось, что танкисты Ермакова полностью уничтожили пытавшийся уйти к американцам штаб группы армий «Центр» генерал-фельдмаршала Шернера.

О значении этого факта лучше всего, пожалуй, сказал потом в своих показаниях сам Шернер: «С этого времени я потерял управление отходящими войсками. Танковый прорыв был совершенно неожиданным, так как вечером 7 мая фронт еще существовал». К этому следует добавить, что после уничтожения штаба нашими танкистами Шернер не только потерял управление войсками, но и вообще, если можно так выразиться, «перешел на нелегальное положение», бежал в горы и прятался там, переодетый в штатское платье.

А наше стремительное наступление продолжалось. Войска ударной группировки смили противника па рубеже Рудных гор, где он еще пытался зацепиться и оказать сопротивление, и перевалили через них. Одна за другой наши части вступали на территорию Чехословакии. С огромной радостью, хлебом-солью и цветами встречало их чешское население. Советских воинов угождали молоком, а кое-где и вином. Отовсюду неслись взволнованные возгласы: «Да здравствует вечная дружба народов Советского Союза и Чехословакии!», «Да здравствует Россия!», «Наздар!». День 8 мая стал не только решающим днем наступления, но и решающим днем всей операции.

В тот же день 5-я гвардейская армия Жадова во взаимодействии с частями армии Гордова, Рыбалко и 2-й армии Войска Польского полностью овладела Дрезденом и с ходу продвинулась еще на 25 километров. Вечером в Москве прозвучал один из предпоследних салютов войны — в честь взятия Дрездена.

Как командующий фронтом, я знал, что в то самое время, когда наши войска продвигаются вперед, освобождая Чехословакию, в Берлине идет подготовка к подписанию акта о всеобщей капитуляции гитлеровской армии. Я аккуратнейшим образом получал информацию от Генерального штаба обо всем происходившем там и, читая ее, испытывал, пожалуй, довольно страшное чувство: фельдмар-

шал Кейтель готовился к подписанию капитуляции, а перед нами все еще воевал генерал-фельдмаршал Шернер, вернее, остатки его войск.

В 20 часов я, выполняя указания Ставки, приказал передать по радио сообщение ко всем немецко-фашистским войскам, находившимся на территории Западной Чехословакии, об их безоговорочной капитуляции. Одновременно с этим всем командармам 1-го Украинского фронта было дано указание: если через 3 часа, то есть к 23 часам 8 мая, гитлеровские войска не капитулируют, продолжать военные действия и, нанеся решительный удар по противнику, разгромить его до конца.

Чтобы воспрепятствовать бегству фашистских генералов и других нацистских преступников воздушным путем, я потребовал от наших войск во время наступления в первую очередь захватывать аэродромы и взлетные площадки, выделив для этого специальные подвижные отряды с танками, броневиками и посаженной на машины пехотой.

Наступила трехчасовая пауза. Я находился на своем КП на северо-западной окраине Дрездена, куда перебрался, как только наши войска взяли город. Все, кто прибыл со мной, оставались на своих местах. Слушали, как говорится, во все фронтовые уши — всеми радиостанциями. Ждали ответа, но ответа от немецко-фашистского командования так и не последовало.

Ровно в 23 часа войска фронта в соответствии с приказом обрушили на немцев мощный огневой шквал и возобновили наступление. Вперед двинулись уже не только армии, входившие в главную и вспомогательные ударные группировки, но вообще все 12 армий фронта вплоть до крайней левофланговой. Они начали наступление в разное время, но к исходу дня продвижение семи армий центра и левого крыла фронта составило от 20 до 30 километров.

2-я армия Войска Польского генерала Сверчевского и войска генералов Коротеева, Шафранова, Гусева, Коровникова к утру 8 мая продвинулись на 15—20 километров, очистили от противника ряд городов на границе Чехословакии и в ее пределах.

С начала наступления наша авиация уже сделала 4000 самолето-вылетов. Две трети из них пришлось на 8 мая. Удары с воздуха наносились преимущественно по вражеским войскам, пытавшимся отходить от Праги на запад. Авиация препятствовала движению немцев по дорогам, которые еще не успели перерезать наши танкисты.

Прежде чем говорить о событиях этого дня, скажу несколько слов о Пражском восстании. Сейчас, через 20 с лишним лет после войны, события, связанные с этим героическим восстанием, широко известны; они описаны в различных статьях и специальных книгах.

У восстания были свои особенности и противоречия; в нем участвовали различные социальные силы. Восстание усугубило и без того критическое положение немецких войск в Чехословакии. Ведя с восставшими кровавую борьбу, фашистские власти и немецкое командование в то же время маневрировали, искали выгодных для себя обходных путей. Чтобы выиграть время, шли на переговоры, а на последнем этапе соглашались даже на разоружение своих войск с условием, чтобы их пропустили через Прагу вооруженными и разоружили только за ее пределами.

Среди руководителей Пражского восстания были люди, по-разному относившиеся к этим предложениям. И трудно сказать, чем бы все это кончилось, может быть, еще одним жестоким кровопролитием, которое учинили якобы готовые разоружаться, но пока еще вооруженные фашистские войска.

Сейчас гадать об этом не приходится, потому что весь этот сложный узел был разрушен нашими танкистами, ворвавшимися в 3 часа утра 9 мая на улицы Праги. К этому моменту в различных районах Праги еще продолжались кровавые столкновения между участниками восстания и эсэсовцами. И в то время, как на одних улицах наших танкистов встречало торжествующее пражское население, на других, особенно окраинных, танковые экипажи вынуждены были с ходу вступать в бой и выбивать из Праги со-противлявшихся фашистов.

Когда я бываю па Ольшанском кладбище в Праге, где покоятся прах наших солдат и офицеров, погибших в дни Пражской операции, я с горестным чувством читаю на надгробиях украшенных цветами могил дату «9 мая». В сущности, война уже кончилась, а эти люди погибли здесь, на пражских окраинах, когда вся наша страна уже праздновала Победу, погибли в последних схватках с врагами, беспощадно доводя до конца начатое дело.

Я не стану анализировать ход Пражского восстания во всех его сложных перипетиях. Скажу лишь о том, что было в нем самым главным — всенародный взрыв негодования против фашистских захватчиков, стремление взять в руки

оружие, любой ценой помочь скорейшей победе над фашизмом, не считаясь при этом ни с опасностью, ни с жертвами. В этом — героическая суть восстания.

И тогда, 20 лет назад, мы, издалека прорываясь к Праге, чтобы спасти ее от фашистов, чувствовали это и стремительно двигались на помощь восставшим пражанам. Ведь по собственному опыту мы достаточно хорошо знали, на какие кровавые злодействия способны фашисты всюду, где сила оказывается на их стороне.

У нас была острая тревога за Прагу, острое желание как можно скорее прийти на помощь своим братьям, прежде чем фашисты, использовав преимущество в силах, успеют расправиться с ними. Это чувство было у нас всеобщим. Оно владело и мной, командующим фронтом, и рядовыми танкистами из армий Рыбалко и Лелюшенко, которым, чтобы утром ворваться в Прагу, пришлось совершить в ночь на 9 мая немоверный по темпам 80-километровый бросок. К Праге стремились, и каждый из нас сделал все, что было в человеческих возможностях. Но ради исторической справедливости хочу перечислить части, первыми достигшие Праги, в той последовательности, в какой это происходило.

Первыми ворвались в город с северо-запада танки 10-го гвардейского уральского добровольческого корпуса (командир генерал-лейтенант Е. Е. Белов) армии Д. Д. Лелюшенко. Почти сразу же вслед за ними с севера в Прагу вступили танкисты 9-го мехкорпуса (командир генерал-лейтенант И. П. Сухов) армии П. С. Рыбалко. А всего через несколько часов на пражских окраинах уже появились передовые части 13-й и 3-й гвардейской общевойсковых армий. Войска 5-й гвардейской армии своими главными сплами ликвидировали группировку врага северо-восточнее Праги, и ее передовой отряд тоже вышел на северную окраину Праги. К 10 утра Прага была полностью занята и очищена от противника войсками 1-го Украинского фронта.

А в 13 часов навстречу нам вышли войска 2-го Украинского фронта. Это были головные части 6-й танковой армии генерала А. Г. Кравченко. Встретились они в 35 километрах юго-восточнее Праги с частями 4-й гвардейской танковой армии Лелюшенко.

Подвижная группа 4-го Украинского фронта, стремительно преследуя отходящего врага, к 18 часам 9 мая также достигла Праги своими основными силами.

Кольцо вокруг отказавшейся сложить оружие чехословакской группировки гитлеровцев было замкнуто. В этом

очередном и теперь уже последнем гигантском кotle оказалось более полумиллиона солдат и офицеров из дезорганизованных и потерявших управление войск группы армий Шернера. Теперь им не оставалось ничего другого, как сдаться, хотя отдельные стычки с фашистами, не желавшими складывать оружие, продолжались в разных местах еще почти неделю.

Кстати сказать, в течение этой недели был схвачен нацистский изменник Родины Власов. Случилось это в 40 километрах юго-восточнее Пльзеня. Войсками 25-го отдельного танкового корпуса генерала Фоминых была пленена власовская дивизия генерала Буйниченко. Когда танкисты стали разоружать ее, то выяснилось, что в одной из легковых машин сидит закутанный в два одеяла Власов. Обнаружить предателя помог его собственный шофер. Танкисты вместе с этим шофером вытащили прятавшегося Власова из-под одеял, погрузили на танк и тут же отправили прямо в штаб 13-й армии. Жалкий конец, вполне закономерно венчающий всю карьеру этого отщепенца!

Из штаба 13-й армии Власова доставили ко мне на командный пункт. Я распорядился не теряя времени отправить его сразу в Москву. Решительными действиями, которые потребовались для бескровного и быстрого пленения власовской дивизии, непосредственно руководил командир 162-й танковой бригады полковник И. П. Мищенко. А самого Власова захватил командир мотострелкового батальона этой бригады капитан М. И. Якушев...

...Возвращаюсь к рассказу о дне 9 мая.

О том, что танкисты Лелюшенко и Рыбалко в Праге, я узнал вскоре после того, как они вступили туда. Мы получили почти одновременно коротенькие донесения на этот счет и от начальника оперативного отдела штаба Рыбалко и от Маландина из 13-й армии. Но вдруг, как назло, проводная связь со штабами армий, освобождавших Прагу, прервалась. В течение многих часов связисты, как ни пытались, не могли соединиться ни с армией Лелюшенко, с которой до этого держали очень хорошую связь, ни с армией Рыбалко, ни с армией Гордова. С 13-й армией, с Маландиным, связь была, по зато сам он никак не мог связаться со своими передовыми частями.

Все это беспокоило меня, хотя я и был уверен в благоприятном развитии дальнейших событий и уже имел первые данные об освобождении Праги. Однако одних предварительных данных было недостаточно для того, чтобы доложивать в Ставку.

После того как связь прервалась, можно было, конечно, попытаться запросить штабы по радио открытым текстом, но этого не хотелось делать. Да и довольно солидное расстояние плюс горы не гарантировали успеха.

Тогда я направил самолет из эскадрильи связи штаба фронта. Рассчитал по времени. Во всяком случае, через два часа он должен вернуться. Но прошло три часа, а самолета нет. Пришлось звонить в 13-ю армию и брать в оборот Маландина. Тот ответил, что послал в Прагу машину с некоторыми офицерами, но докладов от них еще нет. Я приказал ему продублировать эту попытку, направить офицеров связи в Прагу на самолетах.

Время шло, а самолеты не возвращались, и новых донесений по-прежнему не было. Я послал еще одного офицера из оперативного управления штаба фронта на самолете связи и одновременно приказал Красовскому поднять группу боевых самолетов и поручить летчикам с малых высот выяснить обстановку в Праге. После их возвращения мы узнали, что в городе никаких боевых действий уже не наблюдается, а на улицах толпы народа.

Что Прага освобождена, было ясно, но ни одного вразумительного доклада ни от одного из командующих армиями так и не было.

Как выяснилось потом, причиной тому было ликование пражан. На улицах шли сплошные демонстрации. При появлении советского офицера его немедленно брали в дружеский полон, начинали обнимать, целовать, качать. Одни за другим попали все мои офицеры связи в окружение — поцелуй, угощения, цветы...

Потом в этих же дружеских объятиях один за другим оказались и старшие начальники — и Лелюшенко, и Рыбакко, и подъехавший вслед за ними Гордов. Никому из них не удавалось выбраться из Праги на свои командные пункты, к своим узлам связи и подробно доложить обстановку.

Ко мне поступали время от времени сообщения по радио, но все они были, я бы сказал, уж чересчур краткими: «Прага взята», «Прага взята», «Прага взята»... А мне необходимо было доложить Верховному Главнокомандующему не только то, что Прага взята, но и при каких обстоятельствах взята, какое сопротивление было встречено и где. Есть или уже нет организованного противника, а если есть, то в каком направлении он отходит.

Словом, день освобождения Праги был для меня очень беспокойным. Пропадали офицеры связи, пропадали ко-

мандиры бригад и корпусов — все пропадали! Вот что значит и до чего доводит цародное ликование!

Впоследствии меня не раз, в особенности по случаю торжественных годовщины, спрашивали, каким был для меня последний день войны, какими были мои переживания в связи с последней операцией войны. Как видите, вопрос не такой уж простой!

Из-за торжественной встречи наших войск в Праге, которая вызвала перебои в связи, я фактически задержал на несколько часов обнародование приказа Верховного Главнокомандующего об освобождении Праги. Я нажимал на своих подчиненных, требовал подробных донесений, а в это время из Москвы беспрерывные звонки: «Послушайте, ведь сегодня должен быть окончательный салют в честь полной Победы! Где же ваше донесение? Где вы там? Что у вас там? Уже давно подписана всеобщая капитуляция, а от вас все еще ничего нет».

Начальник Генерального штаба по крайней мере раз десять звонил мне, требуя окончательных донесений, а я и сам не имел их и все оттягивал и оттягивал срок доклада. И только получив пакет удовлетворяющие меня сведения, уточнив их, составил свое донесение. В нем указывалось, что в 9 часов утра Прага была полностью освобождена и очищена от противника. Хотя, повторяю, первые наши танки вошли туда в 3 часа ночи...

Завершив последнее крупное событие войны, освободив Прагу и полностью окружив группировку Шерцера, войска 1, 2 и 4-го Украинских фронтов в кратчайший срок решили задачу большой политической и стратегической важности.

Ход и результаты Берлинской и Пражской операций явились новым свидетельством зрелости советского военного искусства, высоких организаторских способностей наших командных кадров и боевого мастерства советских войск.

Салют в честь освобождения Праги был предпоследним салютом войны. Последний салют — салют Победы, данный из тысячи орудий, прозвучал в Москве через несколько часов после этого.

Я слушал его по радио на своем передовом командном пункте. Вместе со мной были в тот час многие из моих соратников по боевым действиям — члены Военного совета Крайнюков и Кальченко, командующие родами войск и начальники служб фронта, офицеры политуправления, оперативного управления. Торжественность обстановки

усилилась тем, что со всех сторон гремели, если можно так выразиться, самосалюты. Передовые части ушли далеко вперед; они там, конечно, палили из всех видов оружия, но мы их не слышали. Зато уж вторые эшелоны салютовали в эти часы вокруг нас не жалея сил. Палили в небо и ракетами, и холостыми снарядами, и боевыми патронами из автоматов, карабинов и револьверов. Словом, каждый салютовал, как и чем мог...

Радость от Победы была, конечно, большая, огромная, но все-таки всей меры ее в тот первый момент мы еще даже не почувствовали. И скажу честно, одним из первых и самых сильных желаний этого дня было желание выснуться, и мысль, что наконец это, видимо, будет возможно если не сегодня, то хотя бы вскоре.

Мне лично выснуться в ту ночь так и не удалось. Почти сразу нахлынуло столько неотложных дел! И первым из них было неожиданное донесение, что в районе Мельника значительные силы немцев еще оказывают сопротивление. Пришлось срочно распоряжаться и направлять танковые войска для немедленной ликвидации этой довольно сильной и организованной группировки.

9 мая у меня было полно забот до глубокой ночи, а утром 10-го я выехал в Прагу. Дорога, по которой я ехал, была забита до отказа. По ней двигалось как бы три не смешивающихся между собой потока. Первый, самый большой,— колонна военнопленных из группировки Шернера. Голова ее уже подходила к Дрездену, а хвост был еще около Праги. Второй составляли выдворяемые чехами из пределов Чехословакии судетские немцы.

А третий, огромный поток состоял из тех, кто возвращался из фашистских концлагерей, которых в этом районе было много. Здесь размещалось немало предприятий военной промышленности, а на них немцы использовали подневольную рабочую силу из всех стран Европы. Вид возвращавшихся из лагерей вызывал двойное чувство— и радости и боли. Радости, потому что они возвращались к жизни, шли к себе домой, а боли, потому что просто муачительно было на них смотреть — так изнурены и ужасающе измождены были они в большинстве своем.

Я много раз бывал потом в Праге и очень люблю этот прекрасный город, но, конечно, то первое впечатление от него просто неизгладимо. Город продолжал праздновать свое освобождение, и это всеобщее победное радостное ликование, эти знамена, флаги, цветы делали его особенно красивым и праздничным, несмотря на то что кое-где нам

на пути попадались развалины и пожарища — следы фашистских обстрелов и бомбардировок в дни Пражского восстания.

В этот день, 10 мая, мне удалось лишь бегло познакомиться с Прагой. Главное чувство, которое я при этом испытывал, была радость, что разрушения в Праге все же редки и что нам удалось сохранить город в целости.

Вечером в Праге, в штабе 3-й гвардейской армии, я и член Военного совета К. В. Крайнюков встретились с нашими боевыми командармами — Рыбалко, Лелюшенко, Гордовым и с членами Военных советов этих армий. Всех военачальников мы от всей души поздравили с одержанной победой. Они ответили тем же.

Но долго поздравлять друг друга некогда, надо было думать о нормализации жизни, о снабжении населения и, стало быть, о назначении начальника гарнизона и коменданта города Праги. В этом эпизоде есть некоторые житейские черточки, которые и сейчас, через 20 с лишним лет, вызывают у меня улыбку.

Сидя в штабе у Гордова и разговаривая об итогах только что закончившейся операции, я сделался свидетелем жаркого спора между Рыбалко и Лелюшенко о том, кто из них первым вошел в Прагу. Этот спор подогревался еще и таким обстоятельством: по нашей русской военной традиции, начиная со времен Суворова, повелось так, что, кто из генералов первым вступил в город, тот обычно и назначается комендантом.

Слушая этот спор между двумя нашими славными генералами-танкистами, никак не желавшими уступить друг другу пальму первенства, я решил, что не стоит углублять их «междоусобицу», и тут же назначил начальником гарнизона командующего 3-й гвардейской армией генерал-полковника Гордова. Тем самым претензии обоих командующих танковыми армиями сразу же отпали. Вслед за этим я назначил комендантом города человека, так сказать, пейтрального: им был заместитель командующего 5-й гвардейской армии генерал Парамзин.

Докладывая в этот же вечер по ВЧ из Праги Сталину о назначении Гордова начальником гарнизона в Праге, я встретился с неожиданным для меня возражением. Сталину было непонятно, почему идет речь о начальнике гарнизона; ему больше нравилось слово «комендант». Пришлось объяснить по ВЧ, что, согласно уставу, начальнику гарнизона подчиняются все войска, находящиеся на соответствующей территории, а комендант является подчинен-

ным ему лицом и ведает главным образом вопросами караульной службы, охраны внутреннего порядка.

Выслушав мое объяснение, Сталин утвердил Гордова начальником гарнизона и дал мне распоряжение оказать необходимое содействие для переезда в Прагу из Кошице президента Бенеша и чехословацкого правительства.

Эти указания я выполнил. Президент Бенеш и чехословацкое правительство выразили желание лететь из Кошице в Прагу на самолетах. Самолеты были за ними посланы.

В тот день, когда в Прагу прибыло чехословацкое правительство, на пражском аэродроме был построен почетный караул от войск 1-го Украинского фронта. Наши военные власти были представлены генерал-полковником бронетанковых войск Рыбалко, комендантом города генерал-майором Парамзином и другими официальными лицами — генералами и офицерами 1-го Украинского фронта.

А на следующий день я снова приехал в Прагу и встретился там с председателем Совета министров Зденеком Фирлингером, с Клементом Готвальдом и другими членами правительства. В дружеской обстановке были рассмотрены многие вопросы нормализации жизни Праги и всей Чехословацкой Республики, в решении которых мы в силах были оказать содействие чехословацким друзьям.

С особой теплотой вспоминаю я тогдашнюю встречу с моим боевым соратником генералом Людвиком Свободой, возглавившим министерство национальной обороны.

Войной проверено, что нет ничего надежнее той дружбы, которая выражается не в декларациях, а в совместных боевых делах, складывается при выполнении ответственных и сложных заданий, связанных с риском для жизни. А именно так зарождалась и складывалась наша боевая дружба с воинами чехословацкого корпуса и с его командиром генералом Свободой. В ходе боев, особенно в Карпатах, она была, в подлинном смысле слова, скреплена кровью. За мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, высокого звания Героя Советского Союза были удостоены чехословацкие военнослужащие О. Ярош, А. Сохор, Ш. Вайда, Р. Тесаржик, партизанский командир Я. Налепка, ставший генералом известный всем Людвик Свобода.

Добрый словом я вспоминаю боевых офицеров 1-го чехословацкого корпуса, славных сынов чехословацкого патрона.